

Пролог

Говорят, что смерть всегда забирает самых лучших. Она слишком несправедлива, эта несносная старуха с косою. Врывается тогда, когда ее не просят, уводя за собой тех, кто дорог, кому еще жить да жить. Смерть никогда не бывает милосердной, ей не свойственна жалость. И против нее нет оружия.

Она забрала человека, который был самым дорогим и любимым. Он слишком поздно узнал об этом и не хотел поверить в жуткую правду. Он пытался доказать, что это — чья-то грязная ложь.

Он не просто любил эту женщину — он ее боготворил. Она казалась ему ангелом, неземной принцессой, которая неизвестно как оказалась на грешной земле. Он понимал, что быть им вместе не суждено — он слишком неидеален для нее. Но осознание того факта, что она живет в этом мире, что она существует, помогало ему жить, надеяться

и верить. Верить в то, что когда-нибудь они будут вместе.

Но этому не суждено было случиться. Смерть забрала ее навеки. Единственное, что осталось от земного ангела, — это надгробная плита на кладбище, на которую он каждый день приносил две красные розы. Розы были ее любимыми цветами, он это знал. Всегда дарил ей букет из пяти красных роз, из которых теперь осталось только две. Часами просиживал на кладбище и клялся ей в вечной любви. Говорил, что на все готов ради нее. Что она была и остается его единственной любимой и ее никто никогда не сможет заменить.

А еще он дал ей обещание. Он поклялся отомстить убийце. И эта клятва давала ему силы жить дальше и ждать. Ждать возмездия.

Глава 1

Наверно, нет на свете ничего прекраснее, чем первый выходной день после напряженных трудовых будней. Точнее, нет, выходные у большинства людей все-таки случаются, раз в неделю точно. А вот первый день отпуска для человека, который долгий период времени работал нон-стоп, — это да, настоящий праздник.

Примерно так я себя чувствую после завершения очередного запутанного дела: как будто год пахала без выходных — и вот в кои-то веки выпала возможность отдохнуть. Работу свою я выполняю качественно и так быстро, насколько это возможно, однако за короткий промежуток времени, пока я защищаю клиента, полностью выматываюсь, так как работаю на пределе человеческих возможностей. Такова работа бодигарда — делать все возможное и невозможное, дабы защитить жизнь охраняемого мною человека. ■

Без ложной скромности могу сказать, что я, телохранитель Евгения Охотникова, являюсь лучшим специалистом Тарасова. Даже трудно вспомнить, сколько успешных расследований я провела за всю свою практику, сколько раз подставлялась под пули, спасая своих клиентов, сколько преступников отправила за решетку...

Да, мою жизнь скучной назвать трудно — событий в ней столько, что хватит на десяток-другой детективных романов. Наверно, этим объясняется «скучное», по мнению моей тети Милы, хобби, которое я выбрала в свободное от работы время. Больше всего на свете люблю смотреть фильмы — могу провести за этим занятием целый день, не выходя из дома. Моя тетушка, которая обожает всевозможные культурные развлечения вроде походов на выставки, в театр или на концерты, искренне не понимает моих пристрастий. Она считает, что я бездарно трачу свою жизнь на сидение в четырех стенах моей комнаты за ноутбуком, и всеми способами пытается вытащить свою обожаемую племянницу «в свет».

Думаю, если бы тетушка работала телохранителем, она бы быстро изменила свою точку зрения, но, увы, специфику моей профессии трудно понять человеку, ведущему иной образ жизни.

Справедливости ради следует сказать, что тетя Мила все-таки дает мне передышку после выполнения очередного заказа — пару дней она меня не беспокоит, позволяет заниматься чем угодно и только пытается меня накормить самыми разнообразными блюдами. Я против этого ничего не имею — напротив, меня полностью устраивает такой расклад.

В первые дни своего отдыха я отсыпаясь (встаю не в шесть утра, как обычно, а в половине седьмого), отъедаюсь до отвала, дегустируя вкуснейшие кулинарные шедевры, которые готовит моя тетушка, смотрю фильмы сколько душе угодно. Вот только если мой отдых затягивается, тетя Мила старается развлечь меня всеми доступными ей способами — вытаскивает на дружеские посиделки с ее подругами, знакомит с потенциальными кавалерами (моя родственница не оставляет попыток выдать свою племянницу замуж), заботится о моем культурном образовании (так себе идея, если честно, от классической музыки я засыпаю, а живопись и вовсе находится за гранью моего понимания). В этот период времени я пытаюсь избегать долгого времяпрепровождения дома — посещаю спортзал, где оттачиваю свои профессиональные навыки, стреляю в

тире, тренируюсь до седьмого пота, лишь бы прийти домой в достаточно усталом состоянии и пресечь попытки тети Милы в очередной раз свести меня с неженатым сыном своей подружки.

Сегодня я рассчитывала посвятить день блаженному ничегонеделанью. Я имею на это полное право — накануне я завершила свое очередное расследование, клиент был спасен от неминуемой гибели, а преступник получил по заслугам.

Женя Охотникова, то есть я, пересчитала свой честно заработанный гонорар и вернулась домой поздно вечером.

Итак, целый день отдыха, вкусной еды и интересных фильмов — чего еще можно желать? Примерно так выглядит рай в моем понимании.

Утро началось с превосходного завтрака и бодрящего кофе, который я не спешила, пока тетя Мила суежилась возле плиты. Во время рабочих будней я частенько забывала поесть и поспать (работа в течение двадцати четырех часов в сутки — вещь совершенно обычная), поэтому сейчас я смаковала каждое мгновение неспешной «мирной» жизни.

Удивительно, но спокойные домашние дни мне никогда не надоедали — может, по

той причине, что моя профессия связана с постоянным риском для жизни, адреналином, драйвом и напряженной умственной работой. К тому же отдыхать приходится не так часто, как хотелось бы, а такой вещи, как отпуск, за всю свою жизнь я себе ни разу не позволила. Трудно представить, что я делала бы, если бы каждый год мне выпадала возможность отдыхать на протяжении двадцати-тридцати дней.

Нормальные люди в это время ездят на курорты, принимают солнечные ванны или отправляются в турне, но вряд ли я бы решилась на такие вещи. Скорее всего, весь отпуск сидела бы дома, уставившись в экран ноутбука, спала бы, ела и фильмы смотрела...

— Женечка, как ты себя чувствуешь? — спросила тетя Мила, накладывая в мою тарелку поджарившиеся ароматные сырники. — Выглядишь какой-то бледненькой, тебе бы отдохнуть надо!

Тетушка словно прочла мои мысли.

— Может, тебе съездить на лето куда? На юг, например, к морю! А то ты все время работаешь, это же невозможно!

— Да меня все устраивает, — улыбнулась я. — Я привыкла, и работу свою очень люблю. Ты же знаешь!

— Да, но сейчас ты очень устала, — заметила тетя. — Ты не заболела ли?

Я усмехнулась. С детства обладаю крепким здоровьем, не помню даже, болела ли я когда-нибудь гриппом.

— Все в порядке, — заверила я тетю, отламывая кусок сырника. — Потрясающе вкусно, сырники получились просто божественные!

— Рада, что тебе нравится! — улыбнулась тетя Мила, по всей видимости успокоившись тем, что аппетит у меня по-прежнему никуда не пропал. — Кушай, я много приготовила. Творог на рынке купила, настоящий, натуральный! Деревенский! Зимой такого нигде не найдешь!

Точно, на дворе ведь первые дни июля, подумала я, посмотрев в окно. Лето в Тарасове выдалось прохладное, дождливое, тогда как в прошлом году жители города изнывали от жары. Но сейчас все ругают холод — вроде и лето на лето не похоже, и погода осенняя...

Человек — странное существо, ему никогда не угодишь. Зимой ему не нравится мороз и холод, летом — жара, осенью — дожди, а весной — прохлада. Хотя я никогда не испытывала каких бы то ни было неудобств, связанных с погодой. Я спокойно отношусь как к лютым морозам, так и к изматываю-

щей жаре, а нынешняя прохлада как нельзя кстати меня радовала.

Я взяла второй сырник, отпила глоток кофе. Но продолжить неспешный завтрак мне не удалось — внезапно зазвонил мой мобильный телефон. Я никогда не расстаюсь со смартфоном — не потому, что у меня зависимость от гаджетов, а по той причине, что телохранитель всегда должен быть на связи. И именно по этой причине не меняю номер телефона, чтобы клиенты в любой момент могли до меня дозвониться.

Я взяла со стола телефон и посмотрела на экран. Неизвестный номер. Значит, звонок по работе — вряд ли кто-то ошибся, хотя ничтожная вероятность этого существует. Сейчас я очень хотела бы, чтобы мой номер набрали по ошибке, — один день выходного мне как нельзя кстати.

— Слушаю, — проговорила я, поднеся телефон к уху.

— Доброе утро, — раздался незнакомый мужской голос. — Мне нужна Евгения Охотникова, я правильно звоню?

— Все верно, Евгения Охотникова — это я. — Я сдержала разочарованный вздох. — Чем могу быть полезна?

— Вас беспокоит Михаил Викторович Корчагин, — представился мужчина.

Я попыталась определить, сколько ему лет. Возможно, около пятидесяти — довольно степенный, размеренный голос, который мог бы принадлежать представительному, солидному человеку. Такой наверняка занимает руководящую должность в какой-нибудь компании, зарабатывает приличные деньги и запросто мог обратиться к телохранителю с целью защитить себя от конкурентов.

Все эти размышления заняли у меня несколько секунд, а мой собеседник между тем продолжал:

— Дело касается моей дочери, Дарьи. Но боюсь, это не телефонный разговор, возможно ли встретиться с вами лично? У вас есть свободное время или вы заняты другим клиентом?

— Вам повезло, сегодня у меня выходной день, — проговорила я. — Могу побеседовать с вами в любое удобное для вас время, куда мне подъехать?

— Замечательно, что наши с вами расписания совпали, — заметил Корчагин. — У меня сегодня есть время до обеда, с двух часов дня я должен быть на переговорах с клиентами. Как вы считаете, подойдет ли для нашего с вами разговора кафе или ресторан? Хочется поговорить в таком месте, где

никто не побеспокоит, а в офисе это сделать проблематично... А дома тоже не очень хочется разговаривать, в любой момент может прийти дочка, а сперва мне надо рассказать вам лично суть моей проблемы...

— Кафе или ресторан прекрасно подойдут для беседы, — заметила я. — Когда вы хотите встретиться? И в каком заведении?

— Вам удобно будет к десяти утра подъехать в ресторан «Арбуз», он находится на пересечении улиц Московская и Горьковская? Там очень хорошая кухня и по утрам мало посетителей, никто не будет мешать разговаривать!

— Хорошо, в десять буду в ресторане, — пообещала я.

Попрощавшись с Михаилом Викторовичем, я положила трубку.

— Женечка, неужто снова работа? — ужаснулась тетя Мила, которая во время телефонного разговора находилась на кухне — она готовила мне яичницу с беконом.

Я кивнула.

— Ужас какой, совсем этим летом все с ума посходили! — воскликнула тетушка. — Ни минуты покоя тебе не дают! Я-то думала, ты уже всех преступников в Тарасове переловила, ну откуда они берутся? Кошмар просто!

— Да, всех убийц и злоумышленников, видимо, переловить не получится, — заметила я. — Откуда-то они появляются, точно грибы после дождя... С другой стороны, пока в городе есть кого защищать, для меня найдется работа. Без дела я все равно сидеть долго не люблю, хотя перспектива заманчивая... Но придется просмотр киноновинок отложить на какое-то время...

В десять утра я уже была в ресторане «Арбуз». Прекрасно знаю это заведение, оно расположено в центре города и отличается большим выбором блюд. Ресторан занимает два помещения — на первом этаже старинного дома и в подвале, где располагается бар с алкогольными напитками. Так как я не сторонница посиделок в компании со спиртным, то в подвальчике не бываю, а вот в главном зале запросто могу пообедать или поужинать. Цены хоть и достаточно высокие, зато качество блюд всегда на высоте, к тому же обстановка заведения весьма приятная, официанты вежливые и расторопные, да и ждать приготовления выбранного блюда не очень долго. На случай если нужно быстро поесть, в ресторане имеется шведский стол и можно взять любых блюд в каком угодно количестве.

Когда я вошла в ресторан, там находился один-единственный посетитель — мужчина лет сорока пяти — пятидесяти, немного полный, с седеющими волнистыми волосами. Весьма приятной наружности, одетый в темно-синий деловой костюм и белую рубашку. Лицо незнакомца было гладко выбрито, волнистые волосы откинуты назад, что придавало мужчине обаяние и шарм. Он кого-то ждал — постоянно смотрел на мобильный телефон, не обращая внимания на чашку кофе, которую заказал, видимо, для того, чтобы просто так не сидеть в ресторане.

Я вытащила свой мобильный и набрала номер Михаила Корчагина. Как я и ожидала, телефон мужчины зазвонил. Он взял трубку, я нажала на «отбой» и подошла к его столику.

— Доброе утро, — поздоровалась я с ним. — Евгения Охотникова. А вы, полагаю, Михаил Викторович Корчагин?

— Да, вы не ошиблись, — улыбнулся мужчина. — Присаживайтесь...

Он встал и галантно выдвинул мне стул. Я опустилась на сиденье.

— Вы голодны? — вежливо осведомился Корчагин. — Здесь готовят замечательные завтраки, очень советую.

— Нет, я уже ела, благодарю. Ограничусь чашкой кофе, — произнесла я.

К нашему столику подошла официантка и с улыбкой спросила, готовы ли мы сделать заказ и не принести ли меню. Я попросила чашку эспрессо, Корчагин посмотрел на свой кофе и заказал американо с ореховым сиропом. Немного подумав, дополнил:

— И кремовое пирожное к кофе.

Я последовала его примеру и тоже заказала десерт.

Официантка отправилась выполнять наш заказ, а я посмотрела на Михаила Викторовича и проговорила:

— Думаю, стоит перейти к сути дела. Мне хотелось бы знать, что произошло с вашей дочерью, вы ведь для нее хотите нанять телохранителя?

— Да, для Даши, — кивнул Корчагин. Немного помедлил, потом продолжал: — Даже не знаю, возьметесь ли вы за мое дело... Наверно, вы решите, что я зря себе навывдумывал и что моей дочери ничего не угрожает, вот только боюсь, это не так...

— Вы не можете знать наверняка, что я решу, — заметила я. — Давайте по порядку. Расскажите, что случилось, а потом я скажу вам, возьмусь за ваше дело или нет.

— Да, вы правы, — вздохнул Михаил Викторович. — В общем, у меня есть дочь, Даша. Ей девятнадцать лет, воспитываю я ее

один. Точнее, раньше, когда Леночка — моя жена — была жива, Даша росла в полной семье. Но четыре года назад Лена трагически погибла — мы попали с женой в аварию, я отделался переломом руки, а вот жена получила тяжелые травмы... Месяц она лежала в коме, а потом... Потом, увы, ее не стало...

Он остановился. Официантка принесла наш кофе и десерты, с вежливой улыбкой поставила поднос на столик, после чего пожелала нам приятного аппетита и удалилась. Я сделала глоток эспрессо, проговорила:

— Соболезную вашему горю. Вы, как я понимаю, повторно не женились?

— Нет, Леночка была и остается единственной женщиной в моей жизни, — покачал головой Корчагин. — Сомневаюсь, что я когда-нибудь начну новые отношения. После ее смерти как будто умерла часть меня, и я до сих пор не могу себе простить ее гибели. Я ведь был за рулем и вовремя не смог затормозить — на встречную полосу выехал грузовик, а Лена была не пристегнута. Если бы она воспользовалась ремнем безопасности, то, возможно, осталась бы жива... Но жена в тот вечер забыла пристегнуться, а я не посмотрел, что она едет без ремня безопасности. Мы ехали на день рождения к подруге Лены, Наташе, и жена выходила по

пути в магазин, покупала подарок. Дочь с нами не поехала, она готовилась к экзаменам, училась в девятом классе, поэтому мы были вдвоем с Леночкой. Я, как назло, задержался на работе, поэтому пришлось ехать быстро, а тут еще этот проклятый грузовик нарушил правила дорожного движения, и в результате вместо дня рождения мы с женой оказались в больнице. Признаться, после смерти Леночки я сам хотел уйти из жизни, только мысль о дочери удерживала меня от самоубийства. Сама Даша тяжело переживала утрату матери, она замкнулась в себе, сидела в своей комнате, не ходила в школу, отказывалась от еды. Мне надо было жить ради дочери, надо было помочь Даше выйти из депрессии и самому не погрузиться в омут отчаяния. Существует поговорка «Время лечит», но это ложь. Со временем боль не утихла, и никогда не утихнет, это я точно знаю. Можно приучить себя жить с болью, но исчезнуть — она никогда не исчезнет...

Михаил Викторович замолчал. Я ждала, когда он продолжит свою историю, но было видно, что вспоминать о смерти жены мужчине тяжело. Не знаю, зачем он стал мне все это рассказывать, — Елена погибла из-за несчастного случая, ее не убили. Хотя кто знает, быть может, дело, которое мне предсто-

ит вести, связано со смертью жены Михаила Викторовича...

— Но вы справились с горем, верно? — произнесла я, когда пауза в рассказе Корчагина слишком затянулась.

Михаил Викторович кивнул, отпил глоток кофе и отломил ложечкой кусок пирожного.

— Никогда раньше не любил сладкое, — заметил он, кивая на десерт. — Когда Леночка была жива, я всегда просил ее готовить мясные блюда, она превосходно готовила... И вообще отлично с домашними делами управлялась, у нее к этому был талант. Красавица, умница, хозяйственная, в общем, мне очень повезло. Жаль, ненадолго... Когда Лены не стало, я серьезно раздумывал о способах самоубийства. Петля на шею для человека со сломанной рукой — вещь весьма проблематичная, застрелиться не из чего, а наглотаться таблеток как-то несолидно, такое разве что барышни могут себе позволить. Я даже начитался статей о самых невероятных суицидальных попытках. Наткнулся на рассказ об одной девушке, которая решила уйти из жизни с комфортом и наелась шоколада. Понятия не имею, сколько надо слопать шоколадок, чтобы отправиться на тот свет, но идея мне понравилась. Кстати,

та самоубийца так и не умерла, испугалась и вызвала «Скорую». А я купил себе плитку шоколада и, как это ни парадоксально, съел ее целиком. Вы, поди, удивляетесь — у человека горе, умерла жена, а он шоколад трескает. Увы, я не из тех людей, у которых стресс отбивает аппетит, — почему-то из-за трагедии я стал есть много сладостей. Так и пристрастился к конфетам и пирожным... Вы уж простите, что я так много не по делу болтаю, сам от себя не ожидал. Признаться, с дочерью мы не говорим о Лене, у нас установилось негласное правило — не разговаривать о ней. Но при этом и я, и дочь постоянно думаем о Леночке, просто вслух не говорим, чтобы друг другу не напоминать о нашем горе. Дурацкая идея — все равно и мне, и Даше от этого легче не становится, но я боюсь при дочери говорить о своей жене. А она не хочет меня расстраивать, держит все в себе. Неправильно все это... Вот и выбалтываю все вам, пора это прекратить. Так, теперь ближе к делу...

Он остановился, выпил залпом свой кофе, а потом продолжил:

— Даше сейчас девятнадцать лет, она учится на факультете журналистики. Занимается фоторепортажами — специализируется на телевидении, но профессионально

занимается фотографией, также пишет заметки. Сейчас у студентов практика, Даше надо сделать материал и сдать его в конце июля. Времени в обрез, и дочь долго думала над темой репортажа. Она решила поехать в геологическую экспедицию на корабле, туда каждый год посылают ребят с факультета журналистики. В прошлом году Даша не попала в экспедицию — она плохо сдала сессию, а туда отправляют лишь тех, кто хорошо себя зарекомендовал во время учебного года. Однако в этот раз взяли всех желающих — дело в том, что многие из группы дочери отказались ехать, потому что жить десять дней в походных условиях, ночевать в палатках не каждый человек может. Даша рассказывала, что поехать в экспедицию предлагали ее одноклассникам, однако те не захотели, а дочка попросила взять ее. Она рассчитывает сделать хороший материал. Запретить дочери ехать я не смог — она попросту не слушается меня и делает то, что хочет. Мы с ней впервые серьезно поссорились — Даша с детства упрямая, вспыльчивая и взбалмошная, она не воспринимает запретов, не идет на компромисс. Полная противоположность Лене — та была спокойной, терпеливой, мягкой. Даже когда мы с женой спорили, Леночка всегда выслушивала мою точку зрения, и,

если я был не прав, она аргументировано доказывала несправедливость моих суждений... У Даши же существует только два решения той или иной проблемы: ее собственное и неправильное. И если она надумала ехать в экспедицию, остановить ее не сможет никто и ничто. Если произойдет наводнение, цунами или землетрясение, это не помешает дочери осуществить задуманное...

— А почему, собственно, вы против поездки? — поинтересовалась я. — Думаете, Даша не справится с трудностями походной жизни?

— Дашка? — хмыкнул Михаил Викторович. — Да Дашка справится с чем угодно и с кем угодно, она, в отличие от своих однокурсниц, не изнеженное создание, та еще оторва... В хорошем смысле этого слова.

— Так почему вы не хотите отпускать ее? — недоумевала я.

— Да потому, что это очень опасно! — воскликнул Корчагин. — Дело в том, что мой брат, царствие ему небесное, был геологом. И он ездил в эти экспедиции, не только по области мотался, но и по всей стране. Увы, Нижняя Банновка, место, где будет проходить экспедиция, оказалась для него роковой точкой. Брат погиб год назад — произошел обвал, его хоронили

в закрытом гробу... Сначала Саша просто пропал — он отправился один что-то разведывать, ничего никому не сказал. Очень на него не похоже — ведь он бывалый геолог, скорее всего, просто переоценил свои силы. Или наткнулся на что-то интересное, решил сам проверить, а потом сказать остальным товарищам... В общем, его хватились вечером, долго искали, но так и не нашли. На следующий день вызвали спасателей, а те обнаружили труп мужчины, сильно изувеченный — даже личность установить не смогли. Скорее всего, это и был мой несчастный брат. Погиб молодым, даже до сорока лет не дожил, Саша младше меня был на шесть лет. В этом году ему бы тридцать девять исполнилось... Жуткая смерть. А теперь Дашка собирается в эту треклятую экспедицию ехать, а ведь она лезет везде, где только можно и нельзя, наверняка наживет себе неприятностей. Ее вообще по-хорошему куда отпускать не следует, да вот только дома я ее не удержу при всем своем желании. Если Саша, опытный геолог, умер, то что может произойти с девятнадцатилетней девчонкой, для которой не существует слова «нет», мне и представить страшно! Если бы Лена была жива, может, дочь не выросла бы такой безбашенной, но мне кажется, что смерть жены

повлияла на характер Даши. Она таким образом справляется с горем — превращает свою жизнь в погоню за адреналином. И обо всем мне сообщает постфактум. Был период, когда Дашка связалась с плохой компанией, стала пить, к счастью, до наркотиков дело не дошло... Потом, когда дочь поссорилась со своими друзьями-подружками, она стала искать других развлечений — даже с парашютом один раз прыгнула, к счастью, ей это не понравилось, слишком тяжелая была парашютная система, и Дашка решила оставить парашютный спорт. Зато она летала на параплане, какое-то время занималась верховой ездой — тоже, к счастью, наскучило ей это. Чем-то спокойным дочь увлекаться не желает — она никогда не занималась рукоделием, как Леночка, домашнее хозяйство терпеть не может и даже готовить не умеет. Раньше мне приходилось заниматься этим делом, но максимум, что я могу на кулинарном поприще, — это отварить яйца да пожарить гренки. Пришлось нанимать домработницу, благо моя зарплата позволяет это сделать, иначе мы бы с Дашкой точно померли с голоду, а дома бы тараканы завелись... Ладно, к делу это не относится, но теперь вы представляете, какая у меня дочурка. И теперь ей в голову взбрело ехать в

экспедицию! Да она же себе голову там где-нибудь свернет в первый же день!

— Как я поняла, вы хотите, чтобы я охраняла Дашу от нее самой? — уточнила я.

Михаил Викторович пожал плечами.

— Да, но и не только в этом дело. Понимаете, был один случай... То есть я ведь случайно узнал об экспедиции, Дашка мне об этом даже не рассказала. В общем, дня три назад, вечером, дочка находилась в ванной. Я сидел на кухне и работал за ноутбуком, ждал Дашу, чтоб поужинать. Телефон дочери лежал на столе — Дашка подолгу в ванной не засиживается, обычно она везде свой смартфон таскает, а тут, видимо, забыла взять. Но я по чужим мобильным не лазаю, считаю, что телефон — это такая же личная вещь, как и дневник или письма. Но неожиданно Дашкин телефон зазвонил, я его взял, чтобы отнести дочери в ванную, увидел, что пришло эсэмэс-сообщение с неизвестного номера. Сам не знаю, почему я открыл сообщение — возможно, по привычке, механически нажал кнопку. Я свои эсэмэски сразу читаю, вот и Дашкину тоже случайно прочел. И содержание письма мне совершенно не понравилось. В сообщении говорилось: «Поедешь в экспедицию — твоего трупа не найдут». И все! Я был в шоке, не

понимал, что за экспедиция и кто мог писать дочери такие вещи... Смотрел на сообщение, хотел было перезвонить, но тут Дашка вошла в кухню, увидела меня со своим мобильным, выхватила телефон, стала орать, что я шарюсь в ее сотовом. Я хотел было сказать, что случайно нажал на кнопку, но она и слушать ничего не желала. Тогда я прямо спросил, кто ей написал эсэмэс и о какой экспедиции говорится в письме. Дашка сразу удалила сообщение, номер я не запомнил, не стала ничего отвечать, забрала телефон и выбежала из кухни. Не буду вдаваться в подробности того скандала, скажу только, что мне удалось выяснить, что моя дочурка собирается ехать, то есть плыть, на каком-то корабле в Нижнюю Банновку с геологами и снимать про них материал. Дашка заявила, что я могу не тратить время и не пытаться запрещать ей эту поездку — все равно она сделает по-своему, а если я стану возражать, и вовсе сбежит из дома. Попусту дочка словами не разбрасывается — я прекрасно понимал, что она выполнит свою угрозу, если я ее не отпущу. Но я очень боюсь, что с ней что-то случится, тем более эта эсэмэска с угрозой... Дашка говорит, что кто-то неудачно пошутил, но я ей не верю. И мне кажется, дочь знает, кто ей прислал сообщение, вот только она не хочет

меня волновать, потому что я против этой поездки. Даже если бы эсэмэс с угрозой не было, я бы все равно нанял телохранителя для дочери, она — единственный человек, ради которого я живу... Если бы Даши не было, наверняка я бы покончил с собой после смерти Леночки.

— Как вы думаете, кто может желать зла вашей дочери? — спросила я. — У вас есть предположения, почему отправитель эсэмэски не хочет, чтобы Даша ехала в экспедицию?

— Я понятия не имею, — покачал головой Корчагин. — Даша не слишком часто откровенничает со мной. Я даже не знаю, как выглядит ее парень — дочь не захотела меня знакомить со своим молодым человеком, все обещает как-нибудь пригласить его в гости, но пока кормит меня «завтраками». Признаться, воспитывать Дашу без Лены мне сложно, тем более жена умерла в период, когда дочь находилась в подростковом возрасте. Для меня Дашка — загадка, я никак не могу найти к ней подход. Иногда создается впечатление, что дочь все делает мне назло, хотя я понимаю, что у Даши просто характер такой. Я знал ее школьных подруг — Катю Волкову, Ангелину Гаврилову, потому что дочь неоднократно приглашала их домой. ■

Но после школы Даша не поддерживает с ними отношений, по крайней мере, в гостях они у нас давно не были. По поводу врагов дочки... Да, собственно, у кого их нет? В школе у Даши имелись и недоброжелатели, в основном девчонки, как у всех. В детстве чего только не бывает — и дружба навеки, и кровная вражда до смерти, у самого такое в школьные годы случалось. Был у меня и закадычный друг, и лютей враг, с которыми со временем общение сошло на нет, и причин, по которым происходили ссоры, я не вспомню. Сейчас, когда дочка учится в университете, она завела новых друзей и подруг, частенько домой поздно вечером приходит. Но к нам в гости не приглашает никого, не знаю почему. Думаю, про знакомых Дарьи вам лучше у нее спросить, хотя не знаю, удастся ли вам наладить контакт с дочерью. Признаться, я представления не имею, как Дашка отреагирует на то, что в экспедицию с ней поедет телохранитель. Может все в штыки принять, а может согласиться — предугадать трудно. Точно я не скажу...

— Где сейчас находится Даша? — задала я новый вопрос. — Насколько мне известно, у студентов сейчас каникулы, верно? Или нет?

— Практика у них в конце июня закончилась, — кивнул Михаил Викторо-

вич. — Но Даше надо проект сдавать, она целыми днями по городу шатается, делает фотографии и собирает материал. Первоначально она собиралась сделать репортаж об экстремальном отдыхе в Тарасове, однако эта идея сейчас ей не особо нравится. У нас только прыжки с парашютом, скалодром, ипподром, ну, может, еще что — негде разгуляться. Скалодром маленький, кто-то уже писал такой материал, ипподром тоже не подошел, не знаю, по какой причине. То ли эти темы уже взяли, то ли просто Дашка загорелась идеей плавучей экспедиции, но дочь сейчас в творческом поиске. В основном она монтирует видео и занимается художественной фотосъемкой, так сказать, набивает руку.

— Ясно, — кивнула я. — Мне бы хотелось встретиться с вашей дочерью и поговорить с ней. Заодно узнаю, кто написал ей эсэмэс-сообщение с угрозой. Вы говорили, что не запомнили номер, с которого вашей дочери отправили письмо?

— Увы, Дашка быстро удалила эсэмэс, — покачал головой Корчагин. — А у меня не фотографическая память, цифры я не запомнил. Даже оператор какой, вспомнить не могу. Заканчивается на цифры сорок пять вроде, да, точно. В конце стоит сорок пять.

— Жаль, что вы не помните оператора, — проговорила я.

Если бы первые цифры неизвестного номера Михаил Викторович мне назвал, я, вероятнее всего, смогла бы установить точный номер мобильного. Но сколько существует сим-карт, оканчивающихся на цифру сорок пять, трудно представить. Возможно, тысяча, а может — десятки тысяч. Это все равно что искать иголку в стоге сена, только время зря терять. Если Даша знает, кто отправитель, тогда другое дело. Но вот если нет — ситуация осложняется...

— Увы, — развел руками Михаил Викторович. — Надо было мне переслать это сообщение себе на телефон, но я вовремя не сообразил, а потом Даша увидела, что ее мобильный у меня. Я и глазом моргнуть не успел, как она выхватила из моих рук свой сотовый, дочка была в бешенстве. Она ведь знает, что я уважаю ее личное пространство, ни в ноутбук, ни в телефон ее не заглядываю, хотя надо было бы. А то Дашка совсем из-под контроля вышла, вдруг с ней и правда что-то случится...

— Сейчас поздно жалеть о том, что не сделано, — заметила я. — Помните, вы говорили, что ваша дочь связалась с плохой компанией? Расскажите про это подробнее,

быть может, кто-то из давних друзей Даши пытается сейчас ее запугать.

— Вряд ли дочь с кем-то из них сейчас общается, — заявил Корчагин. — Эта история произошла три года назад, Даше было шестнадцать, как раз после смерти Леночки. Дочка забросила учебу, вела себя неадекватно, грубила мне, ругалась. Стала пропадать где-то по ночам, на мои вопросы не отвечала, на угрозы и наказания не реагировала. Я даже пытался ее к психологу отвести, но без толку. Даша упорно меня игнорировала и огрызалась. Начала курить, я у нее неоднократно находил пачки сигарет, которые выкидывал, пытался с ней говорить, даже дома запирали. К тому же Дашка начала выпивать — от нее разило алкоголем, хотя она все отрицала. Учителя знали о трагедии, которая произошла с матерью Дарьи, сочувствовали ей, прощали невыполненные домашние задания. Но однажды мне позвонила классная руководительница и спросила, как себя чувствует моя дочь и выздоровела ли она. Оказалось, что Даши не было на занятиях целую неделю, она позвонила классной и сказала, что заболела гриппом. Где дочка была все это время — неизвестно, мне она говорила, что идет в школу, а сама каждое утро шлялась не пойми где... Я понял, что

ситуация вышла из-под контроля, дождался прихода Даши и конфисковал у нее телефон. Сказал, что мобильный она получит только тогда, когда возьмется за ум, будет посещать уроки и делать домашнее задание. А для пушей верности объявил, что теперь сам буду отвозить ее в школу, как маленькую, и забирать домой. Только после этого Дашка успокоилась, пообещала, что будет нормально себя вести, перестанет общаться с «ребятами», и попросила меня не выполнять мою угрозу. Я дал дочери время на исправление, но она сдержала слово. Перестала пропадать по ночам, по всей видимости, она развлекалась в каком-нибудь ночном клубе со своей компанией, бросила курить и пить, даже сдала нормально выпускные экзамены. Сказала, что будет поступать на факультет журналистики, подала документы в университет. Когда ее приняли (я думал, придется платить за учебу, однако дочь поступила на бюджетное отделение), я подарил ей профессиональный фотоаппарат. Даша хотел стать фоторепортером, она искренне радовалась подарку и за лето полностью освоила технику. Я вздохнул с облегчением — дочка «перебесилась», выбрала профессию и пустила свою неумемную энергию в дело. Как говорится, теперь жить бы и радоваться, но

Дашка подалась в другие авантюры — за лето она не только фотографией занималась, но успела и с парашютом прыгнуть, и с лошади упасть, и на параплане полетать... Даже не знаю, в кого она такая, — Леночка всегда была спокойной, уравновешенной, я тоже не склонен искать приключений на свою голову. Единственная надежда на то, что когда-нибудь дочка успокоится, наиграется и остепенится. И не свернет себе ненароком шею во время своих развлечений...

— Значит, вы не знаете, с кем общалась Даша, когда приходила домой пьяная и прогуливала школу? — вернулась я к интересующему меня вопросу.

Михаил Викторович отрицательно покачал головой.

— Вы, наверно, считаете, что я — безответственный отец, раз ничего не знаю о жизни своей дочери, — заметил он. — Но поверьте, это не так. Я очень хотел бы, чтобы Даша делилась со мной своими переживаниями, знакомила меня со своими друзьями, рассказывала о том, как проходят дни в университете... Увы, моя дочь по неизвестным мне причинам не хочет откровенничать со мной. Хотя я всегда пытался дать ей все самое лучшее, старался сделать так, чтобы жена с дочерью ни в чем не нужда-

лись... Может, все из-за того, что в детстве Даша все время проводила с матерью, в то время как я зарабатывал деньги. Должность управляющего крупной компанией требует много времени и сил, порой приходилось пахать без выходных. Вот дочь и отвыкла от меня... А когда Лена умерла, Даша не захотела впускать меня в свою жизнь. Я очень люблю свою дочь, но отношения у нас с ней напряженные, Даша отгородилась от меня высокой каменной стеной и не желает ее разрушить. Я же только одного хочу: чтобы с дочкой все было в порядке, чтоб у нее была счастливая и долгая жизнь...

— Быть может, вам стоит проявлять больше участия к жизни вашей дочери? — предложила я. — Попробуйте понять ее интересы, займитесь с ней чем-нибудь вместе, пусть даже теми самыми полетами на параплане или чем-то подобным. Понимаю, меня это не касается, я не хочу лезть в ваши дела, но раз все так плохо, почему бы не попытаться изменить ситуацию?

— Возможно, вы и правы, — согласился со мной Корчагин. — Если бы не работа, я бы поехал с Дашей вместе в экспедицию, придумал бы что-нибудь... Хотя я и не геолог. Ладно, все равно это всего лишь теории, вся моя надежда на вас. Прошу вас, Евгения,

возьмитесь за мое дело, проконтролируйте, чтобы с Дашей во время экспедиции ничего не случилось! Сейчас это самое главное, остальные проблемы будем решать по мере поступления.

— Для начала я хотела бы поговорить с Дашей, — сказала я. — А уже исходя из результатов нашей беседы будет понятно, как сложится наша с вами работа дальше. Когда состоится экспедиция?

— Пятого июля, уже совсем скоро, — вздохнул Михаил Викторович. — А насчет разговора с дочерью — это, я думаю, можно устроить. Сейчас я позвоню Дарье и узнаю, когда она будет сегодня дома.

— Хорошо, — кивнула я.

Корчагин набрал номер дочери и стал ждать, когда та ответит. Вскоре Даша взяла трубку, Михаил Викторович произнес:

— Дашутка, привет! У тебя на сегодня какие планы?

Последовал ответ, которого я не слышала; мужчина продолжал:

— Замечательно! Ничего тогда на сегодня не планируй, ты мне сегодня нужна. Оставайся дома, ладно? Я скоро подъеду... нет, ничего не случилось, успокойся! Просто надо поговорить. Жди, минут через двадцать-тридцать все узнаешь!

Он положил трубку и проговорил, обращаясь ко мне:

— Все в порядке, Даша сегодня собирается быть дома, монтировать видео и обрабатывать фотографии. Вы не против сейчас поехать к нам домой? Познакомьтесь с дочкой, пообщаетесь с ней. Надеюсь, все сложится удачно, вы найдете общий язык!

— Не возражаю, — произнесла я. — Моя машина припаркована неподалеку от кафе, можем сразу выезжать.

Мы расплатились с официанткой и покинули ресторан. Свой десерт я так и не успела попробовать, только кофе допила. Михаил Викторович, напротив, ничего не оставил на своей тарелке.

«Похоже, он и в самом деле сладкоежка», — подумала я про себя.

Глава 2

Корчагины проживали практически в центре города — на улице Советской, недалеко от цирка. Михаил Викторович ехал на своей машине, я — на своей, адрес он мне сказал, но я двигалась вслед за ним. Вскоре мы припарковались на стоянке возле девятиэтажного дома, Корчагин вышел из своего автомобиля и подождал меня.

— Мы живем на четвертом этаже, в пятнадцатой квартире, — проговорил он. — Идемте за мной.

Он подошел к первому подъезду дома, набрал номер квартиры. Вскоре к домофону подошли, женский голос спросил, кто это. Судя по всему, женщине было около пятидесяти лет, я решила, что это домработница. Михаил Викторович поздоровался с некой Серафимой Павловной, и нам открыли дверь.

— Серафима Павловна — это ваша домработница? — уточнила я.

Корчагин кивнул.

— Да, она приходит к восьми утра и работает до шести вечера. Готовит, убирает, стирает — в общем, выполняет все домашние обязанности. Вас ведь не смутит присутствие постороннего человека?

— Нет, ваша домработница мне ничем не помешает. Я бы хотела и с ней побеседовать, если это возможно.

— С Серафимой Павловной? — изумился Корчагин. — Но зачем?

— Мало ли, быть может, она замечала что-то странное, — пожала я плечами. — А может, знает, кто написал Даше эсэмэс-сообщение. Домработницы обычно в курсе того, что происходит в доме, где они работают.

— Не думаю, что дочка откровенничала с Серафимой Павловной, — с сомнением проговорил Михаил Викторович. — Вроде они не общаются, точнее, разговаривают только по делу. Домработница спрашивает, что Даша хочет на ужин, например, или интересуется, стирать ли сегодня вещи дочери. Собственно, на этом их общение заканчивается...

— Вы можете не знать, что происходит в доме во время вашего отсутствия, — заметила я. — Может, все несколько иначе, чем вы себе представляете.

— Вы правы, не знаю... Но я очень удивлюсь, если Серафиме Павловне известно что-то об эсэмэс с угрозой. Вряд ли Даша рассказывала домработнице об этом сообщении...

— Но вы же прочли эсэмэс, верно? — возразила я. — А Серафима Павловна могла, скажем, услышать телефонный разговор вашей дочери. Или увидеть, что Даша с кем-то встречается, да мало ли всего, что могла заметить домработница! Возможно, я ошибаюсь, но проверить мою догадку все же стоит.

— Хорошо, делайте, как посчитаете нужным, — сдался Михаил Викторович.

Мы доехали на лифте до четвертого этажа, в дверях нас встречала женщина, оде-

тая в синее платье с длинными рукавами, поверх которого был повязан серый фартук. Волосы женщины были заколоты в аккуратный узел на затылке, на вид ей было около сорока пяти — пятидесяти лет. Довольно сухощавая, даже худая, с морщинистым лицом, но при этом — энергичная и активная. Казалось, домработница постоянно чем-то занята и сидеть без дела не привыкла. У нее даже мимика была подвижной, к тому же во время разговора Серафима Павловна (а это была именно она) бурно жестикулировала.

Она поздоровалась с нами, тут же принялась рассказывать Михаилу Викторовичу, чем сейчас занимается, на каком этапе ее работа, и одновременно поинтересовалась, что купить в магазине для приготовления обеда и ужина.

Мысли домработницы перескакивали так быстро, что трудно было уследить за течением ее монолога. Удивительно, как Корчагины не устают от столь многословной Серафимы Павловны, — у меня от всего этого потока информации даже слегка закружилась голова. Но Михаил Викторович, похоже, привык к своей домработнице — он поблагодарил женщину за ее труды, изъявил желание поужинать ризотто с

овощами, а на десерт попросил приготовить яблочный пирог.

— У вас талант создавать вкуснейшие десерты, Серафима Павловна! — заметил Корчагин. — Я просто без ума от вашей яблочной шарлотки, вы нас балуете!

— Ой, да что вы, Михаил Викторович! — засмушалась домработница, хотя было видно, что похвала ей очень приятна. — Я вам еще не готовила морковный пудинг, Дашенька почему-то не хочет, она, наоборот, не любит мучное и сладкое... Так бы я вам столько всяких блюд приготовила, вы бы ни в каких ресторанах такое не попробовали!

— Да, на Дашутку угодить сложно, — вздохнул Корчагин. — Она у меня за фигурой следит, для нее, пожалуйста, сделайте что-нибудь диетическое. Она, кстати, дома?

— Да, Дашенька сидит за ноутбуком у себя в комнате, — кивнула Серафима Павловна. — Она пожелала обедать и ужинать окрошкой без мяса и яиц, я как раз собираюсь идти за овощами... Вы, как я помню, окрошку не любите?

— Терпеть не могу, какой-то салат в квасе или простокваше, — скривился Михаил Викторович. — Но если других вариантов нет, не напрягайтесь с таким количеством

готовки... А то вы и так пашете не покладая рук...

— Что вы, что вы, мне только в радость! — заверила его домработница. — К тому же вы мне щедро платите, поэтому я рада для вас стараться! Быть может, вы голодны? У меня есть пирожки с капустой, Дашенька их кушать не захотела, она завтракала вареным яйцом и йогуртом, греческим, как она любит...

— Нет-нет, мы недавно с Евгенией позавтракали, — прервал гастрономические подробности Корчагин. — С вашего позволения, мы пройдем в комнату дочери, нам надо с ней поговорить...

— Ой, да как же, вы же на пороге стоите! — всплеснула руками Серафима Павловна. — Ой, простите меня, совсем вас заболтала, да вы же проходите, проходите! Вот, пожалуйста, располагайтесь, сумочку можете повесить на крючок, вот ваши тапочки, Михаил Викторович, а вот для гостей, не переживайте, они совсем новые...

Сопровождаемые непрерывным тархтением домработницы, мы с Корчагиным прошли в просторную, светлую прихожую, обставленную со вкусом, в одной цветовой гамме. На полу — ни пылинки, ни соринки, вся обувь вычищена до блеска, зерка-

ло во весь рост сверкает чистотой. Видно, Серафима Павловна и вправду работает не покладая рук, трудится каждый день. Иначе невозможно навести такую чистоту, по крайней мере, я не представляю, как современные женщины без домработниц справляются с домашним хозяйством да еще умудряются где-то работать. А прибавьте к этому приготовление пищи, уход за ребенком (или детьми, мы ведь берем среднестатистическую семью), поход в магазин за продуктами...

Нет, все-таки хорошо, что моя жизнь не вписывается в привычные рамки, — Женя Охотникова запросто может поймать преступника да спасти клиента от опасности, но справиться с приготовлением обеда или с уборкой мне явно не по силам...

Серафима Павловна по-прежнему что-то говорила Михаилу Викторовичу, но тот не обращал на ее болтовню никакого внимания. В конце концов домработница отправилась на кухню, мы же с Корчагиным пошли в комнату его дочери.

Квартира оказалась трехкомнатной, у Михаила Викторовича были отдельные апартаменты, большая комната была отведена под гостиную.

Корчагин постучал в запертую дверь напротив прихожей, и я услышала голос Даши:

— Да, войдите!

Михаил Викторович толкнул дверь, пропустил меня вперед, сам зашел следом. Я огляделась.

Комната Даши была довольно большой и светлой, но такого идеального порядка, как в прихожей, здесь не наблюдалось. Конечно, помещение убирала домработница, однако девятнадцатилетняя дочь Михаила Викторовича так щепетильно, как Серафима Павловна, к чистоте не относилась. На широкой кровати валялись одежда, какие-то книги и тетради, стол тоже был захламлен разными вещами. В комнате я увидела целых три шкафа — наверняка один из них предназначался для одежды, два других — то ли для книг и бумаг, то ли для гардероба девушки, не поместившегося в один платяной. Дверцы были закрыты, поэтому я могла только догадываться о содержимом шкафов.

Сама хозяйка комнаты сидела на кровати, на коленях ее лежал ноутбук, девушка что-то набирала на клавиатуре.

«Интересно, — подумала я про себя, — похоже, Даша занимается не обработкой фотографий, возможно, пишет статьи или занимается чем-то помимо учебы. Насколько мне известно, фото редактируются при

помощи компьютерной мыши, которая в настоящее время находилась на столе, среди бумаг и тетрадок».

Дочка Михаила Викторовича была стройной, длинноногой девушкой, наверняка высокого роста (так как Даша сидела на кровати, я не могла точно определить ее параметры). У нее была короткая ультрамодная прическа с косой челкой, волосы девушки были выкрашены в черный цвет с отдельными розовыми прядями. Лицо довольно милостивое, только Даша слегка переборщила с косметикой — обведенные черным глаза выглядели чересчур ярко и вульгарно, хотя сама дочь Корчагина, видимо, считала это красивым. Одета красотка была в свободную черную футболку явно не ее размера и очень короткие джинсовые шорты, позволяющие лицезреть все великолепие длинных стройных ног девушки.

— Дашутка, привет! — поздоровался с дочерью Михаил Викторович.

Та что-то набирала на клавиатуре, не поднимая глаз.

Корчагин посмотрел на меня с виноватым выражением лица и проговорил уже громче:

— Даша, ау! Ответь, когда с тобой разговаривают!

— Пап, ну сейчас, не мешай! — отмахнулась девчонка.

Наконец она допечатала то, что так сосредоточенно набирала на клавиатуре, и с недовольным видом посмотрела на нас с Михаилом Викторовичем.

— Я работаю, неужели трудно подождать? — возмущенно произнесла девушка. Потом взглянула на меня и весьма невежливо спросила: — А это кто?

— Даша, прости, что мы мешаем тебе, но это важно, — Корчагин не обратил внимания на фамильярный тон дочери. — Познакомься, это Евгения Охотникова. Она поедет с тобой в экспедицию.

— Чего? — Даша нахмурилась. — Это с какой еще радости? Она что, геолог, что ли?

— Нет, Евгения не геолог. Она — твой телохранитель, — спокойно объявил Михаил Викторович. — Женя хочет поговорить с тобой, постарайся ответить на ее вопросы. От этого зависит твоя безопасность в экспедиции.

— Пап, ты вообще в своем уме? — Даша положила ноутбук на кровать и воззрилась на отца. Потом перевела взгляд на меня, снова посмотрела на него и заявила: — Это просто бред какой-то! Если ты пошутил, то совсем не смешно!

— Это не шутка и не бред. — Корчагин сохранял железное спокойствие, я даже восхитилась его выдержке.

Видимо, человек обладает фантастическим терпением и стальными нервами, раз выдерживает словесные потоки домработницы и совсем не примерное поведение своей дочери.

То, что с Дашей придется повозиться, я поняла сразу же — девица принадлежит к тому типу людей, что все делают наперекор другим. Дарья не признает авторитетов, отца она явно не слушает и вообще делает лишь то, что ей заблагорассудится.

Повезло мне с клиенткой, ничего не скажешь... Каждое слово придется вытаскивать из девицы клещами, это как пить дать...

— Если ты хочешь поехать в свою плавающую экспедицию, будь другом, пообщайся с Женей и расскажи ей, кто пишет тебе эсэмэс-сообщения с угрозами! — строго проговорил Михаил Викторович. — Имей в виду, Дарья, одна, без телохранителя, ты никуда не поедешь! Понятно?

— Ха-ха-ха, — медленно, по слогам проговорила девчонка. — Насмешил! Вот что, папочка, заканчиваем этот цирк, никакой телохранитель мне не нужен! Ясно? И хочешь ты того или нет, а в экспедицию я по-